

Алексей Ильич
ОСИПОВ

ЛЕКЦИИ
ИНТЕРНЕТА
13 МИЛЛИОНОВ
просмотров

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ

Человек, твоё счастье скрыто в тебе,
а не где-нибудь.
Оно сокрыто в твоём сердце,
в душе твоей, и путь к нему открыт.

Лекции Интернета

Алексей Осипов

Что такое счастье

«АСТ»

2017

УДК 28
ББК 86.37

Осипов А. И.

Что такое счастье / А. И. Осипов — «АСТ», 2017 — (Лекции
Интернета)

ISBN 978-5-17-102898-5

Современный православный богослов Алексей Осипов рассуждает о главном: о святости и вечности, о справедливости и войне и, конечно, о счастье, ведь оно является, по существу, основным в нашей жизни и в решении ее проблем. Экономических? Да. Социальных? Бесспорно. Философских? Ну а как же! Научных? А для чего же нужен научно-технический прогресс, если не будет счастья? Вторая часть книги посвящена вопросам любви, брака и семьи. В третьей части – живые беседы с автором. Книга написана в доступной форме для широкого круга читателей. Алексей Ильич Осипов – богослов, педагог и публицист, доктор богословия, профессор Московской духовной академии, автор многих книг.

УДК 28
ББК 86.37

ISBN 978-5-17-102898-5

© Осипов А. И., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Часть первая. Что такое счастье	6
Что такое счастье	6
Как жить сегодня	12
Путь к святости	21
Бог и справедливость	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

А. И. Осипов
Что такое счастье

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Часть первая. Что такое счастье

Что такое счастье

Когда бы ни заговорили о жизни, всегда подразумеваем вопрос о счастье. И он не просто подразумевается, но является, по существу, и основным во всей нашей жизни и в решении всех ее проблем. Экономических? Да. Социальных? Бесспорно. Философских? Ну а как же! Научных? А для чего же нужен научно-технический прогресс, если не будет счастья? Вопрос о счастье волнует всегда и всех.

Как он решается в христианстве?

Если обратимся к началу истории человечества, то увидим нечто странное. Первые люди в раю, кажется, вполне счастливые, вдруг почувствовали внутреннюю неудовлетворенность, и не оттого, что им не хватало чего-то в их, скажем, внешней жизни. Нет, они были царями земного мира и обладали полнотою власти над ним и всем, что в нем, имели все для своего удовлетворения, своего счастья. И, тем не менее, начинают искать большего. Пошли даже на то, что срывают запрещенный Богом плод, зная, чем это грозит. Как это могло случиться? Библейские строки кратко рассказывают об этом поступке в сюжете об искушении их змием, который объяснил им, что они, нарушив заповедь Божию, сами станут богами: «*Будете как боги*»¹. Трудно, кажется, понять, как они могли поддаться этому искушению? Но вот интересная быль.

Один мужик с бабой, крепостные крестьяне, очень ругали Адама и Еву за то, что из-за них люди лишились рая и теперь вынуждены жить в трудах, скорбях и заботах. Их барин, человек умный, желая научить эту чету, придумал следующее. Позвал этого мужика с бабой и говорит: «Будете жить у меня на полном моем барском довольстве». Те видят, что здесь что-то не то, и с подозрением смотрят на барина: «А что мы должны будем делать?» «Ничего не должны». «А работать?» «Нет-нет, ничего не надо, просто будете жить у меня на всем готовом, отдыхать, гулять, есть и пить с моего стола. Единственная просьба: на обеденном столе будет стоять горшочек, который никогда не трогайте, его приподнимать могу только я». Крестьяне решили, что барин свихнулся, и с радостью согласились.

И живут мужик с бабой припеваючи, ну прямо как в сказке. Другие работают, а они за барским столом трапезничают, гуляют по барскому саду, любят его красотой, отдыхают, в общем, не жизнь, а райское наслаждение! Но постепенно начали привыкать к такой жизни, и скука стала нападать на них.

А тут стоит этот странный горшок, который нельзя даже приоткрыть – сущее искушение. Начали о нем разговаривать, рассуждать, что бы там могло быть... Сначала-то размышляли, а потом эти размышления переросли в настоящее страстное желание узнать, что там. И не выдержали.

Ведь источником наших «деяний» является мысль. Вот почему в христианстве основное внимание в духовной жизни человека обращается на борьбу с греховными *помыслами*. Ибо мысль, повторяемая многократно, проникает в самую сердцевину души, становится ее повелителем, превращает человека в покорного раба. Отсюда рождается грех. Здесь истоки всех преступлений, рождающихся в глубинах души человеческой, а сами грехи являются следствием согласия ума и сердца с этой мыслью.

Только по глубокой неосведомленности, по непониманию мы не видим этого и грехом называем лишь греховные поступки, причинам же их не придаем никакого значения. «Никого

¹ Быт. 3, 5.

не убивал?» – «Нет». «И не воровал и не изменял». А если еще и в храм постоянно ходил, и посты соблюдал, то – о! святой человек, можно живьем канонизировать. А что при этом творится в мыслях, чувствах и желаниях, какой грязью душа наполнена – разве это не грех?

Все начинается с мыслей и желаний. И там, в раю, у Адама и Евы тоже началось с мысли – стать *богами*. Так и мужик с бабой разговаривали, разговаривали, терпели, терпели и, наконец, когда барин был в отъезде, все-таки решились посмотреть, что там такое. Ведь барин не узнает, его же нет...

И наступил этот момент. Вроде бы баба чуть-чуть приподняла горшок. Мужик говорил ей: «Может быть, не надо», но она: «Нет, отстань, я больше не могу терпеть». Приподняла – и из-под горшка мгновенно выскочила мышка, и тут же ее след простыл. Вечером барин вернулся, увидел пустой горшок и говорит: «Я дал вам все, у вас был рай – и вы не смогли такой малой заповеди исполнить, а еще ругали Адама и Еву. Вон отсюда, идите и в поте лица своего ешьте хлеб свой!»

Мне понравился этот рассказ, хотя такого на самом деле, может быть, и не было. В нем очень точно показано одно из основных свойств души человека, которое, как и все прочие естественные и добрые ее свойства, к сожалению, повредилось в грехопадении – это неиссякаемое стремление к богоподобному совершенству. Это свойство исказилось и вместо искания святости выразилось в искание ее следствий: внешних познаний, власти, славы.

Для многих людей настоящее счастье – открыть что-то новое, добиться власти (хотя бы над своей женой или своим мужем), приобрести популярность, славу любым путем, хотя бы это и грозило бедой. Дайте, например, мальчишке какую-нибудь игрушку, в которой что-то пищит, и скажите, чтобы он ни в коем случае не разбирал ее. Все, игрушке конец! Как это ему не узнать, что там пищит? Невозможно! А взрослые дяди «разобрали» атом, вскрыли геном человека... И теперь человечество ожидает «счастливое» будущее – вместо людей будут киборги и вообще останется ли жизнь на земле.

Но когда мы говорим о познании, то ведь речь идет не только о рассудке, а о всех сторонах человеческой природы. На языке Библии познание означает *соединение* познающего с познаваемым. То есть познание – это не то, к чему мы привыкли, когда знакомимся с каким-то объектом как с чем-то чуждым. Нет. Действительное познание происходит лишь в том случае, когда нет этого отчуждения, когда осуществляется особое единение субъекта с объектом. Такое единство есть полнота познания.

Если же объект для познающего является чем-то посторонним и чуждым, тогда происходит беда. Так, человек стал рассматривать природу в качестве внешнего, нечувствующего, фактически, мертвого для него объекта, с которым можно обращаться как угодно. Разве не это именно привело к экологическому кризису? Что мы с ней только не делаем, с этой бедной природой! И доделались: кричим про экологический кризис, страдаем от новых болезней, от все чаще происходящих катастроф. И все это по непониманию того, что мы перестали ощущать, познавать свое единство с природой, видеть, что являемся одной из клеточек этого единого живого организма мира, и что, издеваясь над природой, мы терзаем самих себя, рубим сук, на котором сидим. Ибо утрата осознания и переживания своего единства с познаваемым влечет за собой несчастье. Этот закон распространяется на все сферы жизни человека.

Если мы обратимся к христианству, то в Евангелии встретим интересные слова, которые определяют цель жизни человека: «*Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа*»².

Смотрите, какое утверждение: *да знают*. Кажется, что тут такого «да знают»? Если рассматривать Бога как внешний объект, который где-то там существует, то действительно ничего особенного в этих словах нет. Но если только вспомним, что *знание* – это *единение*, то поймем

² Ин. 17, 3.

истинный смысл этого «*да знают*», и совершенно другая картина откроется перед нами. Оказывается, можно стать единым с Самим Богом! Но поскольку Он есть Дух, следовательно, и единство с Ним может быть только духовным.

Христианство объясняет при этом, каков этот Дух, и дает беспрецедентный в истории религий ответ: Бог есть любовь (1 Ин. 4:8).

Но ведь любовь – это чувство, а Бог это Он? Действительно, парадоксальный ответ. Иоанн Богослов, любимый ученик Христа, говоря, что «*Бог есть любовь*», при этом добавляет: «*Пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем*»³. Какая удивительная истина: и человек в Боге, и Бог в человеке! К сожалению, мы привыкли к этим словам (я говорю о верующих людях) и уже практически не воспринимаем их смысла, не придаем значения этому величайшему открытию в истории человеческого бытия. И это открытие – не дело мудрецов науки или философии, не они пришли к этому. Хотя всю историю человечество было религиозным, оно не знало этого. Эта истина была открыта Иисусом Христом, *сыном плотника*, необразованным по меркам нашего мира, но Сыном Божиим – по силе, исходящей от Него.

Христианство при этом говорит не о том даже, что у Бога есть любовь, а утверждает, что *Бог есть любовь*. Теперь можно понять, почему призыв: «*да знают Тебя*» является действительно христианским ответом на вопрос о счастье. Приобщение к Тому, единение с Тем, Кто есть сама Любовь, не является ли полнотой и пределом счастья для человека?! И поскольку приобщение Богу – это бесконечный процесс, то и быть в нем – есть бесконечное блаженство человека. Святой Исаак Сирий потому и писал: «*Рай есть любовь Божия, в которой наслаждение всеми блаженствами*».

Немного скажу о тех людях, которые действительно достигали такого познания Бога, то есть единения с Ним, которое преисполняло души их богоподобной любовью. Преподобный Серафим Саровский не мог встретить человека, чтобы не сказать ему от всей души: «*Радость моя!*» Что значат эти его слова? Когда кто встречает любимого человека, то разве не радость вспыхивает в его сердце? Вот и эти слова Преподобного свидетельствуют о той любви, которая была в сердце нашего великого подвижника. Ведь радость – это и есть счастье! Он не мог иначе обратиться к человеку, это были слова, идущие от сердца, от избытка любви. И все видели эту любовь, исходящую от старца Серафима, и поражались, чувствуя ее по отношению к себе. Ведь мы больше всего страдаем от отсутствия любви – и прежде всего от нашей нелюбви к ближним: ищем любви от других, а сами закрыты непробиваемой броней эгоизма.

Преподобный Исаак Сирий, живший в VII веке, писал, что у достигшего истинной любви сердце преисполнено ею ко всему творению, к людям, птицам, животным – и потому он ежедневно со слезами приносит молитву и о животных, и о врагах истины, и о делающих ему вред, чтобы они сохранились и очистились⁴.

И дальше читаем в Евангелии: «*Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную*»⁵.

Но это чувство любви есть не то вспыхивающее и исчезающее чувство, которое всем известно. Как часто эта романтическая любовь оказывается переодетым эгоизмом и быстро превращается в ненависть! Только что объяснялись в вечной любви, прошло небольшое время – и уже ненависть и развод. Почему? – Потому, что люблю тех, кто меня любит. Так это любовь или эгоизм?

³ 1 Ин. 4, 8 и 16.

⁴ См.: Св. Исаак Сирий. Слово 48-е. – Сергиев Посад, 1911, с. 205–206, 207.

⁵ Ин. 3, 16.

Любовь же божественная в человеке – это богоподобное состояние, которое охватывает всего человека, оно не знает различия между друзьями и врагами, родными и чужими, единовверными и неверными. Это состояние, в котором нет уже эгоизма. О нем сказал Господь: «*да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных*» (Мф. 5: 45). Эту любовь даже как-то неудобно назвать счастьем, поскольку она превосходит все обычные человеческие состояния. Счастье в нашем понимании – это что-то приземленное, это только некая тень того, что открывается в человеке (не *человеку*, а *в самом человеке*), который приобщается Богу. Апостол Павел писал: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2: 9). Недаром Христос сказал, что *Царство Божие внутри вас есть*⁶. Вот где тот драгоценный ларчик, в котором скрыто сокровище счастья! Не в богатстве, не в славе, не в высоком положении, а в чистоте сердца, способного быть в Боге и с Богом, Который есть Любовь. Как в высшей степени важно помнить это.

Ибо, когда придется покинуть этот мир и душа наша предстанет пред Божиим Престолом, то откроется все, чего мы жаждали, чего хотели, что сделали, о чем мечтали, как относились к людям. Все наше лукавство и лицемерие, обманы и вражда – все-все откроется! Какой стыд и срам покроет нас, когда все это станет явным! Мы как будто и верим в это, но не хотим этого знать.

Оказывается, таков «великий» ум человеческий! Что же это за ум, если прекрасно понимает, что смерть неотвратимо придет, и, зная это, тем не менее живет так, как будто собирается вечно жить на земле, не думает о неизбежном пределе своей жизни, не спрашивает себя: зачем я живу, для чего я живу? Разве не ясно, что каждый должен прежде всего решить этот главнейший вопрос жизни, на это нужно направить все усилия.

Но... нет. Все забывает какая-то суета, даже пустота жизни. Одно и то же. Каждый день. Из пустого в порожнее. И – не получается подумать о самом главном. И это ум? Это звучит гордо? Просто поразительно! Если я знаю, что иду и вот-вот край пропасти, то не должен ли как можно скорее решить вопрос: спастись или лететь в пропасть? Есть только два варианта, два пути жизни: или кануть в вечность, в вечную смерть, или разузнать и проверить путь к жизни. Христианство говорит: не смерть, а жизнь открывается душе человеческой по смерти тела – там вечная жизнь, которая для ищущих бескорыстной любви, добра, правды, истины – Бога, будет блаженством, или *счастьем*, раз уж мы пользуемся этим словом.

А что обещает другой путь? Если нет Бога и вечной жизни – значит, нас ждет вечная смерть. Большого ужаса, кажется, придумать невозможно. Вот почему так много самоубийств. Россия уже заняла одно из первых мест по суициду – и мне думается, это потому, что наш человек, у которого вера коренится где-то в самой глубине его существа, наиболее остро ощущает бессмыслицу жизни без Бога. Кто приходит к этому ощущению осознанно, кто бессознательно, но многие это чувствуют, и особенно дети. Вот где корень наших несчастий.

Христианство прямо говорит: человек, твое счастье скрыто в тебе, а не где-нибудь. Оно сокрыто в твоём сердце, в душе твоей, и путь к нему открыт. Христос дал нам то, чего еще никто никогда не давал, Он открыл реальный путь приобщения человека Богу. Более того, Он говорит, что человек может стать буквально сыном Божиим, дочерью Божией по благодати. Божия Матерь стала даже честнейшей херувимов и серафимов. К какому величию, какому счастью предназначен человек!

Но немногие и из верующих хотят этого счастья. Вот если бы стало известно, где, например, таятся царские сокровища или находятся золотые россыпи – то, что бы началось (помните золотую лихорадку в Америке?)! Хотя ясно, что все это придется оставить, ибо с собой в

⁶ См. Лк. 17, 21.

могилу не заберешь. А когда христианство говорит о вечном сокровище, то одно равнодушие. Нам предлагается счастье, и мы отворачиваемся.

Помните басню дедушки Крылова? Как там петух распорядился жемчужным зерном, заявив: «зачем оно?» Так и мы – «зачем оно?» – мы вечны на земле. И вот живем в скорбях, неприятностях, страстях – варимся без конца в этой каше, пребывая в каких-то мечтаниях, несбыточных грезах.

История человечества является одним из сильнейших аргументов, который показывает всю бессмысленность искания счастья в материальных благах и земных удовольствиях. Нет его тут. Более того, чем больше человек имеет земных благ, власти, денег, наслаждений, тем большие страдания придется перенести его душе, когда она потеряет все это, а потерять придется: смерть никого не пропустит.

В Евангелии, в притче о богаче говорится, как у него удался неслыханный урожай, настолько обильный, что он решил разрушить старые житницы, построить новые, запастись впрок и сказать своей душе: «Душа моя, все у тебя есть на многие годы, теперь ешь, пей, веселись». А дальше следуют поразительные, страшные слова, которые Бог говорит богачу: «Безумный, в эту же ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется все, что ты накопил?»⁷

Почему сказано *безумный*? Потому что душа его прилипла, приросла к этому мимолетному земному богатству. Соединилась с мыльным пузырем, и попробуй оторвать ее от него! Но посмотрите, какие страдания переносят многие люди, достигшие высочайшего уровня материальной жизни! Рассказывают, как умирала некая миллиардерша: она попросила перед смертью принести ее любимое платье, вцепилась в него, бедняжка, и в этот момент скончалась – так что потом, говорят, не могли разжать ее пальцы. Мертвая хватка! Пришлось резать ткань и класть ее в гроб с этим куском платья... Что делать с этим безумием?!

Все-таки надо, наконец, верующему хотя бы немного поверить Христу, Его Евангелию. И любому человеку, если он действительно серьезно думает о смысле жизни, надо бы узнать, что говорит о нем христианство. Каковы аргументы истинности этой религии? Что оно дает *в этой жизни* – не говоря уже о вечной.

Не надо думать, что христианство своим призывом к Небу отнимает у человека землю, отнимает ее радости, ее блага. Ничего подобного. Оно призывает бороться со страстями: злобой, завистью, алчностью, нечестностью и т. д. Но разве не понятно, что все человеческие нестроения вытекают из этих наших страстей и, прежде всего, из нашего эгоизма, нашей гордости? Христианство же не просто призывает человека к борьбе с ними, но и предлагает эффективные средства лечения от них. Оно предлагает самый здоровый образ жизни – жизни по Евангелию, следуя которому человек действительно приобретает счастье.

Взять хотя бы самый острый момент нашего бытия – скорби. У кого их нет? Все мы переживаем очень многое. А Православие говорит о наших скорбях, что Бог никому не мстит, никого не наказывает: Он есть любовь! И то, что происходит с нами, это, оказывается, лучшее и необходимое лекарство, которое Он дает. И если мы так будем принимать любую скорбь – как ценное лекарство, как необходимое средство исцеления, с благодарностью – как это мы делаем по отношению к опытным врачам, то скоро убедимся, как много дает нам христианство уже в этой жизни.

Можно, конечно, уподобиться и глупому больному: «Не хочу я вашего лечения! Пусть аппендицит, не пойду на операцию, дайте обезболивающее». И... умер, глупенький. Потому преподобный Тимофей Валаамский говорил: «Терпеть не будешь – бесу жертвой будешь»⁸. А потерпишь – будешь с Богом, и мир в душе будет. Ибо Бог есть Любовь, Врач, а не палач.

⁷ См. Лк. 12, 16–21.

⁸ Русский Афонский Отечник. Издание Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2012, с. 157.

Как легко идти к знакомому врачу, который к нам хорошо относится, который, мы знаем, опытный и честный человек и сделает для нас все, что только можно сделать! Как это успокаивает, умиротворяет. Так и вера в Бога-любовь, Который не мстит нам за наши грехи, но премудро лечит те раны, которые мы безумно и без милосердия наносим себе своими грехами. И от нас зависит, как мы примем эти лекарства. Можно отвергнуть их с ропотом и хулой на Бога, умножая этим безумием свои страдания.

А можно принять их как заслуженное, с благодарностью Богу, с покаянием: «Господи, действительно достойное по делам моим получаю, ибо знаю, что грехи мои порождают болезни и скорби, а не Ты бьешь меня ради наказания. Господи, я знаю, что ты по-прежнему любишь меня и во грехах моих. Прости меня и исцели от них. Да будет воля Твоя».

Такая вера и такое осознание глубоко изменяет внутренний мир души, смягчает любые скорби, избавляет от осуждения других людей, от поиска врагов, виновных в моих скорбях. Ибо верующий человек знает, что никто и ничто не может причинить ему какой-либо вред без премудрой и любвеобильной воли Божией. Люди же являются только орудием в Его руках.

Насколько легче становится после такого осознания переносить любые скорби! Ведь ясна разница: терпеть боль у зубного врача, хорошего, доброго, или у палача. Кажется, почти об одном и том же действии речь, но как велико различие!

Бог – любвеобильный, Врач, а не безучастный судья, который выносит справедливый приговор. Святитель Иоанн Златоуст говорит, если бы Бог был не любовью, а правдой, то нам всем пришлось бы погибнуть, настолько мы «хороши». Об этом же пишут многие святые отцы.

Итак, убеждение в том, что все скорбное происходит с нами только по той причине, что мы глубоко изувечили себя своими грехами, и Бог не наказывает нас за это, а по любви к нам дает соответствующие лекарства – это убеждение уже приносит человеку великое облегчение! При условии, конечно, если человек с терпением и благодарностью к Богу все переносит.

А как Православие помогает нам в отношениях с другими людьми! Ведь, помня о любви, мы можем научиться терпеть, сдерживать себя, не ссориться, насколько это возможно; переносить невзгоды, поддерживать ближних в добром настроении – вот какое благо дает христианство даже в чисто внешней жизни. Господи, слава Тебе!

А если бы христианин начал понемногу приучать себя к внимательной молитве (не к *вычитыванию*, а к *внимательной* молитве), покаянной, неспешной – он обрел бы и глубокую радость души, о которой говорят все, кто приступал к этому деланию. Молитва – это контакт, единение с Богом. Это как выключатель: шелкнули – и свет загорелся. И чем чаще мы «включаем» молитву, чем чаще прибегаем к Богу, тем больше Господь наполняет нашу душу, и мы приобщаемся Ему, наполняем Его любовью. И так постепенно приобщаемся к тому вечному счастью, к которому предназначен человек.

Как жить сегодня

Недавно мне попался на глаза небольшой сюжет, точнее сказать – словесная картинка, которая обратила на себя внимание большой точностью отображения состояния современного христианина. Там было написано следующее. Мы подобны человеку, рассматривающему большую великолепную картину, на которой изображен роскошный пир. Яства, вина, убранство, сервировка – красота! И вот смотрит человек на эту картину, смотрит, и остается голодным.

Так и мы, верующие, когда слышим и читаем о христианстве, то находим в нем много и разумного, и доброго, и красивого – действительно, христианство как бы предлагает нам роскошный пир, говоря о том, что Царство Божие не где-нибудь находится, не в заоблачных высотах, а совсем рядом, и не только рядом – но совсем близко: внутри нас⁹. При этом видим и великолепные иллюстрации из жизни святых, которые показывают нам, что собой представляет Царство Божие, какой это поистине царский пир, предлагаемый каждому человеку. Как свидетельствует апостол Павел, *«не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»*¹⁰.

Но Христос в Евангелии неоднократно говорит о том, как люди относятся к этому царскому обеду. Помните притчу о званых на вечерю¹¹ – как один за другим эти *званные* отреагировали? Все приглашенные на него отказались!

Эта притча просто поражает. Она обращена ведь не к какому-то конкретному человеку, но к каждому из живущих всех времен и народов. Когда Христос говорил, обращаясь к тому народу, который его окружал, это не означало, что Он говорил только для них. Евангелие, как точно сказано, – это Вечная книга, и все то, что в нем, кажется, обращено к людям того времени, на самом деле вне времени. Евангелие вечно, оно всегда *сегодня*.

Теперь представим себе такую картину: роскошный царский пир, и нас на него пригласили... Ой, интересно, что там будет? Кажется, ринулись бы, да? Конечно. Преподобный Иоанн Лествичник не случайно свою 14-ю ступень называет «О любезном для всех и лукавом владыке чреве». Но вот стоит только завести речь о духовном пире, к которому зовет Евангелие, о его духовных сокровищах, которые насыщают всего человека и дают ему то, что на обычном нашем языке именуется счастьем, – так сразу тупик. Никто его не хочет.

А объявите, что там-то золотые россыпи – и все ринутся туда. Помните, в Америке была золотая лихорадка – и грабили друг друга, и убивали, и что только не делали... Представляете, каков ум человеческий (а мы все не верим в его глупость). Любой же разумный человек прекрасно понимает, что все, что сейчас он получил, обязательно отнимется – смерть никого не минует. Причем как отнимется! Чем больше привязался к этому, тем с большими страданиями должен будешь все это отдать. Постоянно приходится приводить один и тот же пример: потеряли мы рубль – страдать будем? Ну конечно нет. А помните дефолт? Потерял человек сотни миллионов – и веревку на шею в полном отчаянии: ну как же, было пятьсот, а осталось двести... И жить уже невозможно...

А ведь мы обязательно все отдадим – как великолепно сказано: «Наг родился, наг и уйдешь»¹². Вот бы каждому человеку подумать: «Что же творится с моим умом, если я могу отдать буквально всю душу, все время, все силы, даже пойти на ужасные преступления, чтобы получить то, что у меня неминуемо будет отнято». Простите, какой же это разум?

⁹ Лк. 17, 20.

¹⁰ 1 Кор. 2, 9.

¹¹ См. Мф. 22, 1–8.

¹² См. Иов 1, 21.

А посмотрите, что сейчас более всего интересует: развлекаловка! Развлечение превыше всего! Оно становится не просто существенной частью личной жизни очень многих людей (это было всегда), – нет, развлечение становится душой политики, международной политики всех так называемых цивилизованных государств.

Очень простой пример. Сравните, что получают люди, которые *развлекают* – артисты, спортсмены, и сколько зарабатывают учителя, врачи, крестьяне, рабочие, которые действительно нас кормят, лечат, воспитывают, учат и прочее. Сопоставьте – и увидите: это уже не забота о благополучии населения, а...

Нас приучают к постоянной смене увлечений, а не к серьезному отношению к жизни. Вот сейчас мы посмотрели, кто кого обогнал, кто кому гол забил – и все, и прошло, и ищем другого зрелища. И так без конца – а часы идут, дни бегут, годы летят и человек скоро оказывается перед «разбитым корытом» своих болезней, неминуемой старости и жестко подступающей немилосердной смерти. Это – единственно бесспорная реальность нашей жизни. Но сейчас развлечение возводится в ранг общечеловеческих ценностей. И получается так, что примитивное требование древнеримской толпы – «хлеба и зрелищ» – вновь становится существом человеческой жизни.

Мы даже не думаем о том, что для нас действительно должно быть неотъемлемой ценностью, а что является – мыльными пузырями, за которыми бегают не милые детки, а взрослые умные (?) дяди и тети. И только за то, чтобы поддержать этот пузырь миг времени, какие преступления творят люди и сколько сил, и даже всю жизнь отдают этому!

Вот, кстати, расскажу: недавно прихожу я в Академию, встречает меня один монах из Троице-Сергиевой лавры и вручает огромный фолиант, на обложке надпись: «Русский Афонский Отечник», издания 2012 года. Оказалось, что эту книгу мне прислали с Афона. Я открыл, посмотрел – правда, интересная книга, там собрано множество жизнеописаний подвижников, приведены их мысли о том, как нам жить, что нам делать, как относиться к происходящему в мире. Казалось бы, что могут сказать обо всем этом монахи, которые живут вдали от человеческого общества и плохо знают его проблемы? Но, читая этот Отечник, я невольно вспомнил один замечательный образ, о котором упоминает святитель Игнатий (Брянчанинов). Он говорит о барометре, который висит не на улице, а в комнате, но точно показывает, какая там будет погода. Интересный образ!

Оказывается, глубже и точнее всех, как ни странно, понимали самую суть жизни, ее дух и ее смысл именно те люди, которые, как правило, удалялись от мира, жили вне его. Они писали удивительные вещи! Вот, например, в этой книге преподобный Тимофей Валаамский (он начал свою монашескую жизнь на Валааме, а потом оказался на Афоне) высказывает такую жизненно важную мысль.

Все мы переживаем в нашей жизни немало скорбных минут, у всех бывают беды, печали, нестроения – многое что бывает. И вот, преподобный Тимофей говорит по этому поводу: «Терпеть не будешь – бесу жертвою будешь». Какая интересная и важная мысль! Она указывает на очень серьезную сторону нашей жизни.

Дело в том, что по христианскому учению все люди больны, духовно больны – не о теле идет речь. А если больны, то болезни обязательно будут сказываться как на нашем душевном состоянии, так и на внешней жизни.

Как к этому нужно относиться? Конечно, больной может и возмущаться, и кричать, и всех на свете поносить и ругать. Но разумный человек скажет – нет, необходимо терпение. Почему? Потому что нетерпение усиливает страдание многократно, на порядок, и может так усилить, что доведет человека до самоубийства.

Христианство указывает человеку и средство исцеления, которое принесет ему благо. Что это такое? Преподобный Тимофей (и, конечно, не только он) говорит, что без *умной молитвы*

невозможно ни победить страсти, ни достичь духовного совершенства и единения с Богом, то есть с истинным Благом, Которого мы так ищем.

Умная молитва... Что это такое, что без нее невозможно исцелиться? Беда наша состоит в том, что нами забыты основополагающие понятия христианской веры, что мы далеко ушли от самых начал христианской жизни. Вот преподобный Тимофей говорит, что некая, уже непонятная для современного христианина, «умная молитва» – это самое действенное средство, освобождающее человека от всех тех, скажем так, корней зла, которые нас мучают, которые приносят нам постоянные скорби, несчастья и так далее. Это есть средство, соединяющее нас с самой Любовью, или Богом – что в данном случае одно и то же.

Оказывается, нет в человеке ни Православия, ни вообще религии, если он не пребывает в молитве. Когда мы произносим слово *религия*, то сразу обращаем взор вверх, к Богу, и должны, прежде всего, говорить о том, что именуется духовными ценностями. Молитва и является той огромной ценностью, которая совершенно изменяет человека. Только она делает человека религиозным, религия без молитвы – это не религия. Поэтому тот человек, который не приучает себя к молитве, не религиозен: религия¹³ – это соединение человека с Богом. Соединение! А как происходит соединение? Только в молитве. Молитва – это тот «включатель», при помощи которого мы зажигаем свет, в данном случае – свет Божий в своей душе. И это возможно только в молитве.

Но что в высшей степени важно, молитва может быть верной, истинной, а может быть и глубоко неправильной. Она может очищать человека, а может и погубить его, может возвести на небо, но может и низвести в ад. Правда, удивительно? Как это – молитва! – и погубить человека? Разве возможно такое?

Только тот, кто никогда не знакомился с писаниями святых отцов, может удивляться этому. Есть такое понятие *прелесть*, то есть самомнение, мечтательность, ложное стремление к тому, к чему человек еще совсем не готов. Это возможно и в молитве: человек, не зная, как правильно молиться, начинает мечтать о высших состояниях, о которых он где-то что-то прочитал. Начинает применять внешние методы совершения молитвы – физические, психические, чтобы получить наслаждение в молитве, восторги, духовные дарования. Все это ведет к гибели.

Мне один епископ рассказывал, что когда он еще был монахом Троице-Сергиевой лавры, к нему подошел рабочий и спросил: «Вы прозорливый?» – «Нет, не прозорливый». – «А тогда что же вы здесь делаете? Уже пять лет в монастыре – и все еще не прозорливый? Зачем тогда и в монастырь пошли?» Вот чем, оказывается, может быть занято человеческое сознание.

Ведь само слово *молитва* о чем говорит? Когда кто-то погибает или тонет, или напали бандиты – человек кричит: «Помогите!», и ни о чем другом не думает, кроме спасения. Также и к Богу мы должны обращаться с молитвой, когда чувствуем, что гибнем от грехов, от страстей, от бессмыслицы жизни. Вот что такое молитва! А если она превращается в искание наслаждений, а не спасения, то это уже будет карикатура, безумие, *прелесть*, но не молитва.

Недаром, когда к преподобному Серафиму (Романцову) пришел некий монах и сказал, что имеет непрестанную молитву, тот ответил: «*Нет у тебя никакой молитвы, ты просто привык к словам молитвы, как иные привыкают к ругани*». Оказывается, можно вместо молитвы бездумно, бездушно постоянно повторять слова молитвы, обманывая самого себя!

И бывает, что человек – христианин, православный – всю жизнь, простите, «болтает» молитвы, то есть читает только языком, бессмысленно, без внимания, без покаяния. Что тогда проку от этого?

Но какой же должна быть молитва, чтобы стать для человека действенным средством его исцеления, спасения?

¹³ *Религия* – от латинского *religare*: связывать, соединять связь.

Есть три важнейших условия, три свойства истинной молитвы, которые необходимо знать каждому христианину. Первое – это внимание. Ну не можем же мы разговаривать даже с обычным человеком, не обращая на него никакого внимания! Что будет? Он оскорбится, и больше ничего. А к Богу как обращаемся? Читаем молитву – а в мыслях бродим по всему свету. Потому Господь говорит: приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня, но тщетно чтут Меня (Мф. 15: 8). А святитель Игнатий Брянчанинов предупреждает: «*Без внимания молитва – не молитва. Она мертва! Она – бесполезное, душевредное, оскорбительное для Бога пустословие!*»! Итак, первое свойство настоящей молитвы – внимание.

Второе свойство – это благоговение и внутреннее, и внешнее. Понятно же, что нельзя молиться, сидя нога на ногу или ковыряя в носу.

И, наконец, важнейшее – это покаяние или благодарение Бога, только они делают молитву молитвой. Без этого никакой *молитвы* быть просто не может.

Значит, как совершенно неверно искать в молитве наслаждений, так же глубоко ошибочно, когда христианин удовлетворяется *вычитыванием* молитв. В том и другом случае он занимается просто самообманом. То же может происходить и с посещением храма: «Был?» – «Был». А где был? Помните, Василия Блаженного спросили, много ли народу в храме, и он ответил: два человека. А храм был полон... Действительно, можно прийти в храм – и не быть в нем, то есть не помолиться, а галочку-обманочку себе поставить, отметить... И душа спокойна – все сделал.

Почему об этом идет речь? Потому, что молитва это важнейшее в вопросе: как жить сегодня? Православие утверждает, что Христос всегда с нами, рядом. Часто думают, что Он жил две тысячи лет назад – и тогда, конечно, помогал всем, исцелял, учил – в общем, «повезло тем людям». А потом вознесся – и все, теперь не достучишься. Нет, апостол Павел пишет: «*Иисус Христос вчера и сегодня и вовеки Тот же*»¹⁴. А вот слова Самого Христа: «*Я с вами во все дни до скончания века*»¹⁵. Какого века? До скончания нашего бытия – как личного, для каждого человека, так и для всего человечества в целом. Это удивительные слова Господа – «Я с вами до скончания века». Если бы к ним отнеслись серьезно, тогда поняли бы, как жить сегодня.

Необходимо сказать еще об одной серьезной стороне вопроса: как жить сегодня. Кто читал Новый Завет, особенно послания апостола Павла, наверное, обращал внимание на его необычные для слуха слова о том, что человек оправдывается не делами закона, а только верою¹⁶. О чем здесь идет речь? Это очень важно понять: дела закона – это внешняя сторона религиозной жизни человека. В иудейской религии много правил, требований обрядового характера – например, в субботу ничего нельзя делать. Помните, Христос исцеляет в субботу человека, и Его обвиняют и даже хотят убить за нарушение закона. К делам закона относятся все внешние церковные предписания (напр.: соблюдение постов и праздников, посещение богослужений, совершение молитвенных правил), также добрые дела. Вот что такое дела закона.

Но ясно, что такими внешними делами человек свое сердце очистить от страстей не может, ибо *Бога узрят чистые сердца*¹⁷, а не руками и ногами.

Однако, к сожалению, когда рассуждаем о том, как жить сегодня, то, как правило, слышим лишь такое: надо ходить в церковь, исповедоваться, причащаться, поминать живых и усопших, ставить свечи, подавать записки, соблюдать посты, исполнять домашнее молитвен-

¹⁴ Евр. 13, 8.

¹⁵ Мф. 28, 20.

¹⁶ См. Рим. 3, 20; Гал. 2, 16.

¹⁷ Мф. 5, 8.

ное правило, почитать праздники, давать милостыню и т. д. Все это, хотя и хорошо и нужно, но это внешняя жизнь, и такими делами сердце наше от страстей еще не очищается. Можно всю жизнь ходить в церковь и исповедоваться, и причащаться – а как был с полным мешком страстей, так с ним и остался. А цель христианской жизни как раз состоит в том, чтобы душу очистить от всякой дряни. И если этого не происходит, тогда обрядовая сторона теряет все свое значение.

Вот такая беда подстерегает православного человека! Десятки лет он вроде бы живет воцерковленным, все исполняет – а душа остается той же. Какой? Все страсти в ней остались: и гнев, и зависть, и тщеславие, и раздражение, и ревность, и чего только нет, о чем подчас и подумать стыдно – все остается. Знание этого чрезвычайно важно в понимании того, как жить сегодня.

Поэтому не только о выполнении внешних церковных предписаний мы должны заботиться. Обратите внимание, о чем более всего говорит Евангелие! Каждый читающий должен просто удивиться: Христос ни разу не осудил воров и разбойников, но непрерывно говорил: «*Горе вам, фарисеи!*»¹⁸. А кто такие фарисеи? Те, кто давали обеты самого тщательного исполнения всех предписаний Закона Божия – подобно тому, что требуется от принимающих монашество. И вдруг: «*Горе вам, фарисеи*». «*Горе вам, книжники!*» (то есть богословы) Почему? И фарисеи, и книжники знали весь Закон Божий до мелочей, были сверхвоцерковленными – и вдруг тем и другим: «*Горе вам, лицемеры!*» Почему же фарисеи и книжники лицемеры? Здесь мы касаемся очень важного вопроса духовной жизни.

Оказывается, часто происходит вот что. Когда я смотрю не на то, что происходит в моем сердце, а на то, что исполняю все церковные установления: я хожу в храм, я исповедаюсь, я причащаюсь, я соблюдаю все посты, я ставлю свечи, я подаю милостыню, я жертвую на храм, я поминаю и за здравие и за упокой, я езжу по святым местам, я прикладываюсь к мощам и чудотворным иконам, я... – я понимаю, чувствую, каким хорошим, достойным, чуть ли не святым человеком являюсь. Одним словом, я не такой, как все. Прекрасная фраза есть у святителя Феофана Затворника (мои студенты знают ее наизусть, и как только я ее произношу, у них рот до ушей): «Сам дрянь дрянью, а все твердит: *Я не такой, как прочие люди*¹⁹». Слышите? «Я не такой, как прочие!» Вот до какого ужасного духовного состояния может дойти так называемый воцерковленный человек, если он не смотрит на то, что творится в его сердце.

Понятно, почему об этом приходится говорить. У человека, который всю суть христианства видит только в *делах Закона* и не обращает внимания на самое главное, зарождается тщеславие, самомнение, гордыня, осуждение, то есть полностью исчезает любовь. А людям нужно показать свою праведность – и начинается *лицемерие*. Но попробуйте что-то не так сказать или сделать, или задеть его, – и вы услышите от него такое, что в ужасе отскочите от этого «праведника».

В отношении внешних церковных предписаний – посмотрите, как Христос к ним относился. Упрекают его учеников-апостолов в том, что они в субботу растирают колосья, чтобы поесть – но в субботу работать по иудейскому закону – страшное преступление! А Он, вместо того, чтобы остановить учеников, со всей силой обличает самих фарисеев в лицемерном законничестве. И исцеляет больных в субботы, показав этим ее дисциплинарное, а не нравственное значение в деле спасения.

Блез Паскаль, всем нам известный со школьной скамьи, писал, что есть только два типа людей, два типа верующих: одни из них грешники, которые видят себя праведниками, другие – действительно праведники, но видят себя грешниками.

¹⁸ См. Мф. 23, 13–29.

¹⁹ В оригинале: *Несъм, якоже прочии човецы* (Лк. 18, 11).

Самое страшное, что может произойти в человеческой душе, – это возрастание и утверждение чувства своей праведности. Тогда все! Человек на пути гибели. Потому Христос все время повторяет: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры*. Православие заключается не в законническом исполнении внешних предписаний. Ибо здесь человек может оказаться перед страшной опасностью возомнить о себе – и превратиться из грешного человека в сущего сатану, в настоящего дьявола.

Православная жизнь состоит в том, чтобы принять решение жить не просто по церковным установлениям, но по заповедям Евангелия. «Меня любит тот, кто исполняет заповеди Мои», – говорит Господь.

На что же обращено главное внимание в Евангелии? Помните замечательную притчу о мытаре и фарисее²⁰? Фарисей («праведный»!), войдя в храм и став впереди, говорил: «Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь» – и начал перечислять свои добродетели перед Богом. Мытарь²¹ же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: «Боже! будь милостив ко мне, грешнику!». И чем заканчивается притча? Христос говорит, что вышел оправданным мытарь, а не фарисей, который исполнял все внешние требования Закона Божия и, впав в гордость, не сомневался в своей праведности. Правда, интересно?

Христос, конечно, никогда не говорил, что не надо исполнять церковных предписаний. Надо. Он тоже их исполнял. Но показал, что есть главное, а что вторичное, подсобное. В этом суть дела. Поэтому смешение *закона с заповедями* и их уравнивание – это принципиальная ошибка, ведущая к самым тяжелым духовным последствиям!

Обратите внимание на такой потрясающий и беспрецедентный в истории религий факт, описанный в Евангелии, подобного которому нет нигде. Речь идет о распятом справа от Христа разбойнике. Говоря современным языком – это был бандит. Но он первым вошел в рай. В любой религии на это скажут: «Кошунство!» Никогда, верно, такого не было, чтобы бандит, у которого руки по локоть в крови, вошел в рай. За какие заслуги? Что он святого сделал? Какой пример добродетели показал? Ничего! Сам сознался, что достойную по делам своим²² получил казнь, ибо не исполнил ничего из того, что именуется Законом Божиим.

Так почему же разбойник был взят в рай? Он осознал свое нравственное ничтожество, свою греховность, понял, что ему никогда не быть в раю, и от всей души раскаялся, от всей души смирился. И из этого душевного состояния обратился к Иисусу: «Помяни меня, Господи, во Царствии Твоем», в котором за мои беззакония мне никогда не быть. И поразительный ответ Христа: «Сегодня же будешь со Мною в раю». Вот где открывается сущность христианства, его уникальность, его, если хотите, прямое противоречие со всеми религиями мира! Настоящая «антирелигиозная» религия!

Спасается человек, оказывается, за глубокое осознание своей греховности, за искреннее покаяние, за смирение. Вот то единственное, что спасает человека. Бандит осознал все безобразие своей жизни и – хотя в последний момент своей жизни – раскаялся. Этим он очистился от всей прежней грязи, от крови, от насилий и убийств, которые совершил в своей жизни. Именно на это Христос и ответил: «Сегодня же будешь со Мною в раю» без прохождения мытарств, без «трех», «девяти», «сорока дней» – а *сегодня же!*

Вот то состояние души, та цель жизни, которая отвечает христианину на вопрос: как жить сегодня? Не о мирской стороне жизни говорим – об этом пусть говорят другие; мы говорим о христианстве, о том духовном состоянии души человека, при котором только он становится способным принять Царство Божие без возможности повторного отпадения от Бога. Вот где

²⁰ См. Лк. 18, 10–14.

²¹ *Мытари* – сборщики налогов, которые часто брали с людей больше положенного.

²² См. Лк. 23, 39–43.

сущность, вот к чему призывается человек, вот что является целью, которая только открывает врата Царствия Божия.

Но это, на первый взгляд, очень простое дело оказывается, к сожалению, невероятно трудным. Трудно увидеть себя хуже других – я все время вижу себя лучшим... По крайней мере не хуже – это точно... Грехи же есть? Ну, есть, а у кого их нет? И опять я хорош! И всегда хорош! Когда я опаздываю на лекцию и спрашиваю: «Кто виноват?», студенты дружно отвечают: «Нет, нет, не Вы, Алексей Ильич!» «Ну, молодцы, – говорю, – правильно, у вас, вижу, хорошая богословская подготовка...».

И вообще я никогда не бываю виноват; всегда виноваты другие, но не я. Одной из ярких характеристик моего духовно «хорошего» состояния и является непрерывное оуждение и осуждение всех вокруг себя, особенно более удачливых, более умных, талантливых, состоятельных, власть имущих... Вот тут уже все держитесь – и Путин, и Медведев, и Патриарх, и архиереи, и чиновники, и все, кто на виду. Один я хороший! (Правда, об этом прямо я никому не скажу.) Вот ответ на ту присказку, которую часто можно услышать: поживу, а потом покаюсь. Нет, совсем не так просто увидеть себя, чтобы искренно покаяться. Но какое безумие видеть себя лучше всех! И о чем это говорит? О том, как далеки мы от христианства – от того, как следовало бы нам жить сегодня.

Нужно стремиться к исполнению заповедей Христовых, которые являются совсем не законами и приказами Бога, а Его просьбами к человеку: «Ну, будь же ты милосердным к людям, великодушным к их недостаткам, помогай неимущим, относись с вниманием, не обманывай, не лги, не притворяйся, очищай душу свою от всякой грязи». Заповеди – это просто нормальные свойства нормального человека. Жить по ним и призывает Бог человека. Вот что они такое, а вовсе не приказ или Закон Божий, за неисполнение которого человек будет наказан.

Поэтому грех – это вред, причиняемый человеком своему телу, своей совести, своим отношениям с другими людьми, своим делам и проч. Бог, будучи любовью, только предупреждает человека: смотри, не делай этого, если не хочешь себе вреда. Не хочешь болезней, страданий тела и души – не делай им ничего плохого, не нарушай законов их жизни, которые Я тебе открываю. И как не закон запрещает выпрыгивать из окна с третьего, пятого или десятого этажа, а сама опасность для жизни такого поступка, так точно обстоит дело и с заповедью Бога о грехе. Бог своей заповедью предупреждает и, если хотите, умоляет человека: не лицемерь, не льсти, не ищи славы, похвал, власти над другими, не лги, не воруй, не блуди и так далее, иначе очень пострадаешь.

Христианство называет грехом все то, что для человека является не чем иным, как ударом по его душе и телу. Грех – это всегда то зло, та рана, которую человек наносит сам себе. И как любящие мать и отец предупреждают ребенка об опасностях, так и Бог человека, ибо Бог есть любовь. Не закон, не угрозы Бога, а голос Его любви, открывшей нам, что для нас является добром, а что злом. Вот что такое грех, что такое заповеди и что такое «наказания», которым мы подвергаемся в своей жизни. Не Бог, а мы сами наказываем себя, рана, калеча не только свою душу, свое тело, но и других людей.

Бог оставляет свободу за человеком. Выбирай, человек, ты свободен! Однако знай, поскольку твоя душа и твое тело – это не какой-то бесформенный хаос, а они устроены закономерно, то если хочешь быть здоровым, святым, прекрасным, то живи в соответствии с их законами.

О подобном же говорит и медицина, предупреждая от испорченных продуктов, физических и психических травм, безнравственных поступков. Не врач же наказывает нас, когда мы не слушаем его предписаний и нарушаем указанные им законы жизни организма – мы сами себя наказываем. О том же говорит и Православие: не Бог наказывает нас, а грех, которым мы раним и убиваем сами себя.

Как же правильно жить сегодня? – Естественно, сопоставляя свои поступки, дела, слова и мысли с Евангелием, а как же иначе? Может быть, есть какие-то другие нормы? Может быть, по Карлу Марксу жить, или Фрейдю, или Юнгу? По кому жить прикажете, где эти нормы, зная которые и живя по ним мы могли бы обрести наше благо? О, если бы мы почаще серьезно обращались к Евангелию. Оно говорит, как жить, и история Церкви предлагает нам множество примеров жизни тех людей, которые, взяв эту «карту», эту «рецептуру», начали тщательно следовать им. Они увидели, что на этом пути духовной жизни требуется, что является главным, что второстепенным, какие опасности стоят на нем, что необходимо делать. Речь идет о святых отцах, о подвижниках, которые осуществили в своей жизни то, о чем говорит Евангелие. Их жизнь и труды – это неоценимое сокровище, они оставили нам описание этого пути – свидетельства своего опыта, открывшего им Самого Бога. Они всем своим существом познали, что Бог есть невыразимая Любовь к нам, грешным.

Конечно, как достигали они святости, для нас, бедных, это практически невозможно. Однако они показали путь, показали, на что способен человек, чего он может достичь. В каких условиях? В любых.

Но не надо думать, что когда Церковь говорит об опыте святых отцов, то призывает христианина к тому, чтобы не есть, не пить, не спать, не жениться, не выходить замуж и так далее – какой вздор! Ничего подобного! Никто не требует от нас того уровня, на который были способны эти великой силы духа люди, подвизавшиеся в пустынях, горах, лесах и затворах.

Мы живем в миру. И хотя мы ошибаемся и грешим – но есть величайшее средство обновления, которого нет в других религиях: покаяние. У нас есть возможность молитвы покаяния, смывающего всю ту грязь, в которой мы постоянно вываливаемся. Вспомним правого разбойника.

И никто не может мешать нам молиться, кроме, правда, нас самих. Да, мы не подвижники, но они призывают нас не забывать как можно чаще: сидим ли, стоим, идем ли – где и когда угодно – молиться. Как? Кто мешает нам хотя бы минуту, хотя бы несколько раз мысленно произнести замечательную молитву, заповеданную нам всеми отцами: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного», или кратко: «Господи Иисусе Христе, помилуй меня». От всей души, с полным вниманием, благоговением.

Вот оно – средство общения не с кем-нибудь, а с самим источником всякого блага – Богом. Это действенное средство у нас в руках – разве трудно произнести эту молитву? Нет времени? Что за самообман, самооправдание! В наших руках находится сильнейшее средство, которым можем буквально исцеляться в скорбях, неприятностях, нестроениях, расстройствах, семейных неурядицах, спорах... И нужно как можно чаще прибегать к этому великому средству. Все, кто воспользовались им, знают и говорят, какое это благо в нашей жизни.

На моих глазах произошел очень интересный случай. К игумену Никону (Воробьеву) пришла из деревни женщина и говорит: «Я очень страдаю. Живу одна, никому не нужна, скука, не с кем поговорить, все неинтересно – одна пустота какая-то. Я в отчаянии, помогите...». И он дал ей такой совет: «Попробуй как можно чаще, но только с вниманием, благоговением и покаянием произносить вот эту краткую молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешную». Женщина была очень простая, она выслушала отца Никона, поблагодарила: «Спасибо, батюшка, хорошо, я постараюсь». Где-то через год она вновь пришла, но уже с какими слезами благодарности: «Батюшка, вы меня просто спасли, спасли мою жизнь, я в такой радости, мне теперь никого не нужно – спаси Вас, Господи!» Счастье получила эта простая женщина, счастье познания Бога. И много ли потребовалось для этого? Только вера и твердая решимость.

Вот, оказывается, как можно жить сегодня. Нужно не мечтать, не залетать в заоблачные высоты – надо обратить, наконец, внимание на свою душу, и использовать то проверенное средство – покаяние, которое ни от каких условий не зависит. Тот же игумен Никон говорил,

что когда он сидел в лагере с уголовниками, то молитва Иисусова спасала его от ужасов этой пытки. Какое чудодейственное средство! Думаю, что нам нельзя забывать об этом.

Вот как надо жить сегодня! Стремиться жить по заповедям Христовым, молиться как можно чаще краткой молитвой Иисусовой, искренне каяться, исповедоваться, причащаться! И стараться постоянно читать творения святых отцов и подвижников, потому что у них мы находим не только нужные наставления. Кто начнет читать, хотя бы по две-три странички в день, увидит, какая сила благодатная исходит от этих прекрасных слов наших православных святых.

* * *

Для желающих, хотя бы теоретически познакомиться с основами духовной жизни, особенно полезны творения святителя Игнатия (Брянчанинова), прежде всего, его первые два тома и письма. Сейчас эти книги издаются, и каждому христианину их нужно иметь. Конечно, просто необходимы книги его верных учеников: письма Валаамского старца схиигумена Иоанна (Алексеева), игумена Никона (Воробьева), которые фактически перелагают на современный язык труды свт. Игнатия и дают ясный ответ на вопрос: как жить сегодня. Очень полезно читать «Душеполезные поучения» аввы Дорофея, письма Георгия Затворника, Феофана (Говорова), игумении Арсении (Себряковой), «Моя жизнь во Христе» и «Предсмертный дневник» Иоанна Кронштадтского, «Мир и радость в Духе Святом» старца Фаддея Витовницкого и др.

Путь к святости

Как точно показаны главные пороки человека в искушениях Христа во время Его 40-дневного поста! Дьявол предлагает Ему камни превратить в хлебы; дать все царства мира за поклонение себе; и, наконец, совершить уже откровенно безумный поступок: чтобы показать Свое Божественное достоинство, гордо броситься с крыши храма. Любимый ученик Христа апостол Иоанн в этих искушениях видит выражение самой сущности т. н. *мирского* содержания жизни, оторванной от мысли о Боге. Он пишет: все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего (1Ин. 2: 16).

Преподобный авва Дорофей (VI век) расшифровывает эту мысль в более конкретных понятиях, усматривая сущность этих искушений в трех самых основных страстях: сластолюбии (комфорт и наслаждение), сребролюбии (богатство), славолюбии (жажда славы и власти), и указывает, что все они исходят из одного источника – гордости.

Евангелие сообщает о том, как Христос отверг все их, противопоставив Свой путь жизни человека пути мира: 1) Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим (Лк. 4: 4), 2) Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи (Лк. 4: 8), 3) Не искушай Господа Бога твоего (Лк. 4: 12).

Но человечество в целом²³ живет именно этими страстями, культивирует их и жаждет их исполнения, как в личной, так и в общественной жизни. Целые философские системы обосновывают их ценность, все научно-техническое развитие направлено на их максимальную реализацию.

Однако история жизни, как отдельного человека, так целых народов и всего человечества, ярко показывает, к каким пагубным последствиям приводит такое исключившее Бога из жизни мировоззрение. Оно становится опаснейшим врагом человека. Ибо алчность, жажда власти и гордыня, став господствующими в душе, в самом корне разрушают ее, порождая вражду, ненависть, зависть, убийства, предательства и прочие бедствия, нарушая мир между людьми и народами. И никакая внешняя власть не в состоянии остановить это зло: ни мудрый законодатель, ни гениальный философ и ученый, ни политик, насытивший народ хлебом и зрелищами. *«Ни в каком устройстве общества, – писал Достоевский, – не избегнете зла... душа человеческая останется та же... ненормальность и грех исходят из нее самой».*

В «Братьях Карамазовых» в уста беса он влагает следующие потрясающие по своей психологической глубине слова: *«По-моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело! С этого, с этого надобно начинать, – о слепцы, ничего не понимающие! Раз человечество отречется поголовно от Бога, то само собою, без антропофагии, падет все прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит все новое. Люди совокупятся, чтобы взять от жизни все, что она может дать, но непременно для счастья и радости в одном только здешнем мире. Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится человеко-бог... а ему “все позволено”... Для бога не существует закона! Где станет бог – там уже место божие! Где стану я, там сейчас же будет первое место... “все дозволено” и шабаш!»*

Православие предлагает совершенно иное видение смысла жизни человека. Оно призывает его к очищению души от этих разрушительных страстей, открывает путь к святости. Убедительным свидетельством его истинности является множество примеров жизни тех подвижников, которые «мечом и луком» достигали духовного совершенства.

²³ Выступление на Конференции «Сергиевские научно-богословские чтения» в МПДА, посвященной 700-летию со дня рождения прп. Сергия Радонежского.

Что же такое православная святость, как приобретается она, каковы ее основные свойства и критерии, что представляет собой святой человек?

Абсолютной святостью является Бог, потому и святость человека есть не что иное, как причастность Богу (ср.: 2 Петр. 1: 4), духовное уподобление Ему, обожение, или, как говорил преподобный Серафим Саровский, «*стяжание Духа Святого*». Главнейшие свойства Бога, которые с особой очевидностью открылись в Боговоплощении и на Голгофе, – любовь и смирение. Степень приобретения этих свойств является показателем уровня святости человека. При этом Священное Писание и святоотеческое учение подчеркивает, что все прочие добрые свойства и добродетели человека получают свое положительное содержание только на твердом основании этих основополагающих краеугольных камней и без них теряют всю свою ценность.

Апостол Павел писал о любви: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13: 2–3). О смирении же святые отцы говорят, как об основе и источнике самой истинной любви. Насколько оно необходимо в духовной жизни, в кратких и сильных словах сказал, например, святой Исаак Сирий (VII век): «*Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели... потому что без смирения напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание*»²⁴.

Но как достигается святость?

Прежде, чем говорить об этом, необходимо сделать одно существенное замечание. Принципиальным условием православного подхода в рассмотрении любых вопросов веры и жизни является обращение к святоотеческому учению как единственно достоверному источнику в понимании Божественного Откровения. Вызвано это тем, что только приобщение Духу Божьему, святость человека, может гарантировать истинность его суждений. А когда определенная мысль высказывается не одним святым отцом, но многими, то это свидетельствует о том, что она является не мнением человеческим, но откровением Духа Божия и, следовательно, есть сама истина.

Этим критерием Православие принципиально отличается как от католицизма, в котором последним гарантом истины является слово одного человека – римского папы, так и от протестантизма, где вероучение любой общины и даже одного человека оказывается столь же авторитетным, как и любых других, чем полностью перечеркивается само понятие истинности в религии. Это в том и другом случае пагубно отражается и на понимании духовной жизни.

В Православии понятие святости проистекает из единства опыта богопознания великих подвижников древней Церкви. Этот опыт является объективным критерием в оценке всех явлений духовной жизни и дает возможность христианину правильно оценить собственные духовные состояния. В современных условиях этот критерий особенно важен. Ибо понятие о духовной жизни все больше подвергается различным инородным влияниям. Мерилом духовности верующего нередко становится не любовь и доброжелательство к каждому человеку, не терпение недостатков ближнего, не честность в поступках, а такое понимание воцерковленности, которое всю религиозную жизнь сводит к исполнению внешних церковных установлений и/или «умовому», по выражению свт. Феофана Затворника, знанию христианского учения.

Отсюда, само понимание святости человека приобретает ложный характер. Она оценивается на основании народных слухов, плохо поддающихся проверке случаев прозорливости, исцелений, изгнания бесов, предсказаний и, особенно, чудес.

Вопрос о чудесах в оценке святости является чрезвычайно важным, поскольку для верующего, не знакомого с учением святых отцов, чудеса оказываются самым главным доказательством святости человека. Такой верующий даже не подразумевает, что чудеса могут иметь раз-

²⁴ *Авва Исаак Сирийнин. Слова подвижнические. М., 1858. Слово 46. С. 289.*

личную природу, исходить не только от святого человека, но и от находящегося в бесовской прелести, и даже от природных способностей человека, то есть могут иметь разные источники, и непонимание этого может привести к трагическим последствиям. Об этом предупредил верующих Сам Господь: Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам (Мф. 24: 24–25). Об этой опасности предупреждают и святые отцы. Так, например, преподобный Кассиан Римлянин (V век) писал: «...*Никто не должен быть прославляем за дары и чудеса Божи...* Ибо весьма часто... люди, развращенные умом и противники веры, именем Господа изгоняют демонов и творят великие чудеса»²⁵.

Чудеса, оказывается, сами по себе не являются определяющим признаком святости человека. Нужно крайне осторожно относиться к любым необычным явлениям и – пока нет возможности удостовериться в характере происшедшего и, прежде всего, в духовной целостности совершителя – не спешить принимать их за чудо Божье. Не чудеса свидетельствуют о святости человека, а, напротив, святая жизнь того, через кого они совершаются – вот что доказывает их истинность.

Но лжечудеса, как правило, происходят с теми, кто ищет чудес или внутренне считает себя достойным видеть и получать их, кто впал в самомнение (прелесть), кто ищет исцеления любой ценой, нисколько не задумываясь о том, каков источник этого исцеления, и что принесет оно душе – пользу или вред.

Один из опытейших духовных наставников XIX столетия святитель Игнатий (Брянчанинов) подробно пишет о губительности легковерия чудесам и искания их²⁶. В одном из своих творений он приводит слова преподобного Кассиана Римлянина: «*Чудеса, возбуждая удивление, мало содействуют святой жизни*». И объясняет, что в отличие от язычников, не думающих о будущей жизни и жаждущих чудес для земного благополучия, христианин должен искать пользы душевной, исцеления от страстей для достижения вечности. Более того, святитель Игнатий, видя языческий настрой народа, предупреждает и предсказывает:

«С течением времени, с постепенным ослаблением христианства и повреждением нравственности, знаменосные мужи умалелись. Наконец, они иссякли окончательно. Между тем человеки, потеряв благоговение и уважение ко всему священному, потеряв смирение, признающее себя недостойным не только совершать знамения, но и видеть их, жаждут чудес более, нежели когда-либо. Человеки, в упоении самомнением, самонадеянностью, невежеством, стремятся безразборчиво, опрометчиво, смело ко всему чудесному, не отказываются сами быть участниками в совершении чудес, решаются на это, нисколько не задумываясь. Такое направление опасно более, нежели когда-либо. Мы приближаемся постепенно к тому времени, в которое должно открыться обширное позорище²⁷ многочисленных и поразительных ложных чудес, увлечь в погибель тех несчастных питомцев плотского мудрования, которые будут обольщены и обмануты этими чудесами»²⁸.

В одном из писем он говорит о той страшной беде, которая грядет на наш народ за его легковерность разным чудесам: «*Бедствия наши должны быть более нравственные и духовные. Обуявшая соль²⁹ (см.: Мф. 5: 13) предвещает их и ясно обнаруживает, что [наш] народ может и должен соделаться орудием гения из гениев, который, наконец, осуществит мысль о всемирной монархии...*». Святитель Игнатий называет «обуявшей солью» состояние Правосла-

²⁵ Прп. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. М., 1892. С. 444.

²⁶ См., например, «Беседа в понедельник 29-й недели по Пятидесятнице. О чудесах и знамениях» (Еп. Игнатий Брянчанинов. Сочинения. СПб., 1905. Т. 4.).

²⁷ Позорище (церковнослав.) – зрелище. – Ред.

²⁸ Еп. Игнатий Брянчанинов. Сочинения. СПб., 1905. Т. 4. С. 323–324.

²⁹ Обуявшая соль (церковнослав.) – испорченная, потерявшая силу. – Ред.

вия в России, «*гением из гениев*» – антихриста, и наш народ – орудием его всемирного воцарения.

Как же христианину относиться ко всему, что предстает как чудо? Святитель Игнатий, обращаясь к Священному Преданию Церкви, говорит о необходимости большой осторожности: «*Христианские аскетические наставники заповедают не обращать особенного внимания на все вообще явления, представляющиеся чувствам душевным и телесным: заповедают соблюдать при всех вообще явлениях благоразумную холодность, спасительную осторожность*».

Он дает замечательный совет: «*Святые Отцы повелевают подвижнику молитвы при случающихся явлениях вне и внутри себя пребывать равнодушным к ним и не внимать им, не признавая себя достойным видения святого. Они завещают, с одной стороны, не порицать явления, чтоб не подвергнуть порицанию святое, а с другой – никак не верить явлению, поспешно признав его истинным, чтоб не впасть в сеть лукавого духа...*» Это предупреждение распространяется на любого христианина, оказавшегося перед лицом необычного явления. Данный совет может быть выражен кратко: «Не хули и не принимай!» Но, увы, ради чуда многие готовы отказаться и от веры своих святых отцов, устремляясь к иным богам (Втор. 6: 14).

Часто цитируемый святителем преподобный Григорий Синаит (XIV век) призывает: «*...никогда не принимай, если что увидишь чувственное или духовное, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа, или Ангела, или святого какого, или бы свет мечтался и печателся в уме. <...> Но узревший что-либо мысленно или чувственно и приемлющий то... легко... прельщается... Бог не негодует на того, кто тщательно внимает себе, если он из опасения прельщения не примет того, что от Него есть... но паче похваляет его, как мудрого...*»

Святоотеческий опыт указывает, прежде всего, на важнейшие критерии правильной духовной жизни. И первым из них является не чудо, не прозорливость и прочее, а видение подвижником своего личного нравственного и духовного несовершенства, своей греховности, глубокой болезненности самой природы человеческой и невозможности лишь собственными силами ее исцеления. Как писал преподобный Петр Дамаскин (VIII век), первым признаком начинающегося здоровья души является видение грехов своих бесчисленных, как песок морской³⁰. (Этим, кстати, христианская антропология принципиально отличается как от гуманистической, так и от всех других религиозных антропологий, отрицающих наследственную порчу человека.) В богословии эта «генетическая» поврежденность человека именуется *первородным грехом*. Это видение необходимо для правильного духовного развития человека по той причине, что без него невозможно приобретение смирения – основы всей духовной жизни.

О безусловной важности смирения говорит грехопадение первого идеально созданного человека. Событие это лежит в основе понимания всего христианского учения о человеке и спасении. Оно показывает, что ни совершенное знание тварного мира и власть над ним, ни богоподобная слава, ни полнота внутреннего и внешнего блаженства, которыми обладал первозданный человек, еще не гарантируют ему непоколебимую твердость пребывания в добре, истине и красоте образа Божия. Забвение им своей несамобытности и в то же время осознание своих совершенств в этом мире может, оказывается, легко привести к возникновению горделивого ощущения себя Богом (ср.: Быт. 3: 5), к противопоставлению себя Ему и подвигнуть к безумному бунту против Того, Кем он живет, и движется, и существует (см.: Деян. 17: 28).

Поэтому только личное опытное познание своего несовершенства, проистекающее из опыта правильной духовной жизни, видения своих грехов и той глубокой поврежденности человеческой природы, которую сам человек не в состоянии исцелить никакими подвигами, дает возможность понять необходимость Христа, уверовать в Него как Спасителя и породить истинную веру, «*непадетельную*», делающую человека святым. Такое духовное состояние име-

³⁰ *Святой Петр Дамаскин. Творения. Книга первая. Киев, 1902. С. 33.*

нуется смирением и является залогом сохранения человека от возможного повторного отпадения от Бога, дает ему возможность вечного пребывания в Боге-любви.

И, напротив, как пишет святитель Игнатий, «не сознающий своей греховности, своего падения, своей погибели не может принять Христа, не может уверовать во Христа, не может быть христианином (хотя бы формально был им. – А. О.). К чему Христос для того, кто сам и разумен, и добродетелен, кто удовлетворен собою...»³¹.

Как приобретается такое видение себя? Преподобный Симеон Новый Богослов (XI век) отвечает: «Тщательное исполнение заповедей Христовых научает человека его немощи»³². Это «исполнение» имеет две основные ступени, или два делания: телесное и душевное (духовное). Святой Исаак Сирий так говорит о их соотношении друг с другом: «Телесное делание предшествует душевному, как персть предшествовала душе, вдунутой в Адама. Кто не снискал телесного делания, тот не может иметь и душевного, потому что последнее рождается от первого, как колос из голого пшеничного зерна. А кто не имеет душевного делания, тот лишается и духовных дарований»³³.

Автор жития преподобного Сергия иеромонах Никон, повествуя о последовательности шагов в духовном восхождении Преподобного, также замечает: «Святые отцы строго различают в духовной жизни две степени, два состояния: крест деятельный и крест созерцательный. Первое состояние есть страдный, многоскорбный, узкий путь креста, время подвига, усилий и борьбы с самим собою – с ветхим человеком, и с врагами спасения – миром и диволом. Второе состояние есть упокоение сердца в Боге, глубокий мир души, Христовою благодатию победившей страсти, очищенной, просветленной, и в таинственном общении с Богом обретшей еще здесь, на земле, залог блаженства небесного»³⁴.

Прекрасно пишет об этих двух ступенях в духовной жизни преподобный Паисий Величковский (XVIII в.). Оценивая духовную жизнь, прежде всего, как внутренний подвиг умной молитвы, он учит:

«... пусть будет известно, что по писанию святых и богоносных отцов наших, есть две умные молитвы: одна новоначальных, принадлежащая деянию, а другая совершенных, принадлежащая видению; та – начало, а эта – конец, потому что деяние есть восхождение видения... Пусть будет известно (говорю к подобным мне препростым), что весь монашеский подвиг, которым, при помощи Божией, понуждался бы кто-нибудь на любовь к ближнему и Богу, на кротость, смирение и терпение и на все прочие Божии и святоотеческие заповеди... на пост, бдение, слезы, поклоны и прочие утомления тела, на всеусердное совершение церковного и келейного правила, на умное тайное упражнение молитвы, на плач и размышление о смерти: весь такой подвиг, пока еще ум управляется человеческим самовластием и произволением, с достоверностью называется деянием...

Когда же кто Божией помощью и вышеказанным подвигом, а более всего глубочайшим смирением, очистит душу свою и сердце от всякой скверны страстей душевных и телесных, тогда благодать Божия, общая всех мать, взяв ум, ею очищенный, как малое дитя за руку, возводит, как по ступеням, в вышеказанные духовные видения, открывая ему по мере его очищения неизреченные и непостижимые для ума Божественные тайны. И это воистину называется истинным духовным видением, которое и есть зрительная, или, по святому Исааку, чистая молитва, от которой – ужас и видение. Но войти в эти видения не может никто самовластно своим произвольным подвигом, если не посетит кого Бог и благодатию Своей введет в них. Если же кто без света благодати дерзнет восходить на такие видения, тот, по

³¹ Еп. Игнатий Брянчанинов. Сочинения. СПб., 1905. Т. 4. С. 378.

³² Цит. по: Еп. Игнатий Брянчанинов. Сочинения. СПб., 1905. Т. 4. С. 9.

³³ Авва Исаак Сирийнин. Слова подвижнические. М., 1858. Слово 56. С. 399.

³⁴ Иеромонах Никон. Житие и подвиги преподобного Сергия Радонежского. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1904. С. 191.

святому Григорию Синаиту, пусть знает, что он воображает мечтания, а не [имеет] видения, мечтая и мечтаясь мечтательным духом»³⁵.

В статье «Отношение христианина к страстям его» святитель Игнатий формулирует закон духовной жизни, указывающий на последовательность борьбы со страстями: «Некоторые страсти служат началом и причиною для других страстей; таковы: объядение, нега, развлечение, роскошь, сребролюбие, славолубие, неверие. Последствия их: сладострастие, печаль, гнев, памятозлобие, зависть, гордость, забвение Бога, оставление добродетельного жительства. В духовном подвиге должно преимущественно вооружаться против начальных страстей: последствия их будут уничтожаться сами собой»³⁶.

Как видим, достижение духовной чистоты и святости требует знания основ и законов духовной жизни, в противном случае неопытный подвижник может легко заблудиться и впасть в мечтательность, в прелесть. Последний термин, часто употребляемый отцами, замечателен тем, что он точно вскрывает само существо ложной духовности: тончайшая лесть себе, самообман, мнение о своем достоинстве и совершенстве, гордость. Поэтому чрезвычайно важно знание того, как отличать лжедуховность от истинной святости.

Прелесть обычно «закладывается» в изначально ложной цели, которую аскет ставит перед собой: он может искать откровений, благодатных даров, высших наслаждений, экстаза, или стремиться к познанию тайн *того* мира, или жаждать славы человеческой.

В Православии искание всего этого решительно воспрещается, поскольку подобное стремление без очищения души от страстей приводит человека к самомнению, духовному сладострастию, гордости и, в конечном счете, к гибели. Святитель Игнатий предлагает такой святоотеческий критерий для различения святости от прелести:

«Все святые признавали себя недостойными Бога: этим они явили свое достоинство, состоящее в смирении.

*Все самообольщенные считали себя достойными Бога: этим явили объявляющую их души гордость и бесовскую прелесть»*³⁷.

Преподобный Симеон Новый Богослов, рассуждая о тех, кто на молитве «воображает блага небесные, чины ангелов и обители святых», прямо утверждает, что «это есть знак прелести»³⁸.

Подобных высказываний отцов Вселенской Церкви можно привести сколь угодно много. Все они едины в том, о чем предупреждал еще апостол Иоанн Богослов: «Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире» (1 Ин. 4: 1).

Значимость этого предупреждения для нашего времени особенно актуальна. В сознание нашего народа сейчас с огромной силой внедряется идея равноценности по существу всех религий, вплоть до самого грубого язычества с его нравственной разнузданностью и извращенством. Мистицизм всех цветов и оттенков широкой волной заливал теперь нашу Русь, некогда святую в стремлении к Богу и как-то защищенную от «свободного» Запада, а ныне открытую для всех духов преисподней.

Но когда для получения плодов святости вместо законного труда исправления и очищения своей души от всякой грязи предлагаются средства «срывания плода» тайных познаний, мистических прозрений и наслаждений, власти над природными и оккультными силами, то не ясно ли к какой святости призывается человек?

³⁵ Схимонах Паисий Величковский. Об умной или внутренней молитве. М., 1902. С. 17–19.

³⁶ Еп. Игнатий Брянчанинов. Сочинения. СПб., 1905. Т. 1. С. 527.

³⁷ Еп. Игнатий Брянчанинов. Сочинения. СПб., 1905. Т. 2. С. 126.

³⁸ Прп. Симеон Новый Богослов. О трех образах внимания и молитвы. Добротолюбие. Т. V. М., 1900. С. 463.

В Евангелии дан критерий оценки подобного рода явлений: «Всякое дерево познается по плоду своему» (Лк. 6: 44). Плоды иноземных духов очевидны – это, прежде всего, отнятие у человека мысли о Боге, о душе, о вечности, о смысле жизни. Но разве не понятно, что *«только с верой в свое бессмертие, – как писал Достоевский, – человек постигает всю разумную цель свою на земле»*. А без этой веры человек не может найти себе покоя.

Плоды же Православия – это его святые, которые подвигами и молитвой в духовной борьбе очистили свою душу, достигли совершенного смирения и приобрели истинную любовь, которая и является величайшим благом для человека.

Одним из таких самых ярких святых в истории нашего Отечества явился преподобный Сергей Радонежский. Жизнь его одна из лучших иллюстраций плодов Православия. Он с такой силой показал нетленную красоту образа Божия в человеке, что и спустя семь столетий остается отцом и наставником всех стремящихся к почести высшего звания (Фил. 3:14).

Образ его жизни, подвиги и труды, удивительное смирение, бегство от земной славы и редкое по своей благодатной силе и своим масштабам влияние на духовную жизнь всей Русской Церкви являются совершенным образцом православной святости. Эта святость дала ему мир Божий, который превыше всякого ума (Флп. 4: 7), радость неизреченную и преславную (1 Петр. 1:8), любовь совершенную (Кол. 3: 14), наполнившую не только всю его душу, но и всех, кто соприкасался с ним.

Он есть тот новый человек, святой, духовный, которого ищет каждая живая душа, к которому стремится, которого жаждет. И главная причина этого непобедимого к нему влечения, продолжающегося донныне, не в его чудесах, которые и не столь часты. Ибо где их много, там, как теперь особенно хорошо видно, собираются все, верующие и неверующие, ищущие чудес.

Несомненно, она в той открывшейся в Преподобном красоте образа Божия, которая незримо поражает, пленяет и притягивает душу. В самом Троицком соборе лавры, где пребывают его мощи, ощущается особая атмосфера, здесь душа невольно начинает молиться, начинает действительно ощущать, что *«не хлебом одним будет жить, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»*.

Но как современному человеку применить опыт святых отцов для правильного устройства собственной духовной жизни? Неоценимую помощь здесь может оказать пример подвижников близких нам по времени, глубоко изучивших творения святых отцов и впитавших их опыт своей жизнью.

Один из таких духовно опытных подвижников XX века – игумен Никон (Воробьев, †1963). Его глубоко пропитанные святоотеческим духом мысли – это еще один голос Священного Предания Церкви. В наше духовно смутное время наставления игумена Никона помогают лучше понять духовную жизнь и опасности, подстерегающие верующего на пути к Богу, понять, что есть Православие. Он дает такую характеристику святого, духовного человека.

Духовный тот, кто стяжал в себе Духа Святого. Он совершенно отличается от душевного или плотского, что почти однозначно здесь. Он есть новый человек (см.: Еф. 4: 24), а душевный есть ветхий человек (см.: Рим. 6: 6). Что в нем нового? – Все: ум, сердце, воля, все состояние, даже тело.

Ум нового (духовного) человека способен постигать отдаленные события, прошлое и многое из будущего, постигать суть вещей, а не только явления, видеть души людей, ангелов и бесов, постигать многое из духовного мира. *«Мы имеем ум Христов»*, – говорит духовный апостол Павел (1 Кор. 2: 16).

Сердце нового человека способно чувствовать такие состояния, о которых кратко сказано: *«Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»* (1 Кор. 2: 9). А преподобный Серафим в согласии с древними отцами так говорил: если бы человек знал о тех состояниях блаженства, которые еще здесь бывают, а

тем более в будущей жизни, то согласился бы прожить тысячи лет в яме, наполненной гадами, грызущими его тело, чтобы только приобрести эти состояния.

Таким же образом и воля нового человека целиком устремляется к любви и благодарности Богу.

Тело духовного человека тоже изменяется, становится частично подобным телу Адама до падения, способным к «духовным ощущениям» и действиям (хождение по водам, способность оставаться без пищи, моментальный переход через большие расстояния и т. п.).

Словом, человек, стяжавший Духа Святого, весь обновляется, делается иным (отсюда прекрасное русское слово «инок») и по уму, и по сердцу, и по воле, и по телу³⁹.

Лучшая иллюстрация этих слов игумена Никона – сама его жизнь. Она служит еще одним примером в бесконечном ряду христианских подвижников, который доказывает истинность православного пути к святости.

³⁹ *Игумен Никон. Письма духовным детям. Свято-Троицкая лавра. 1991. С. 119–124.*

Бог и справедливость

Все, конечно, слышали, что есть некое Православие, некое христианство. И у всех есть о нем какое-то свое представление. А мне сейчас хотелось бы привести те положения Православия, которые, возможно, у многих вызовут удивление.

Итак, что же такое Православие по своему существу? Что это за «икс»? В связи с этим вопросом мне хочется обозначить следующий, во-первых, момент.

Все слышали, конечно: Православие предполагает веру в единого Бога, в Бога-Троицу, веру в Иисуса Христа. Но мне представляется очень важным сделать одно многим малоизвестное и малопонятное уточнение. Бог, которого исповедует Православие, – это несправедливый Бог. Все думают, что Бог – это сама абсолютная справедливость. Это, по-моему, чуть ли не аксиома для обычного человеческого представления о Боге. А я смею утверждать, что православный Бог – несправедлив. Что это значит?

Приведу маленький пример. Одни из самых серьезных забастовок, которые подчас происходят, допустим, у нас или в Западной Европе, это когда бастуют служащие аэропортов, которые управляют взлетом, посадкой самолетов. Иногда они объявляют: мы будем работать только в случае соблюдения наших законных прав, только по справедливости. Что тогда начинается? – Одни самолеты опаздывают взлететь, другие никак не могут приземлиться. Т. е. требование восстановления справедливости приводит в таких случаях к хаосу, к проблемам для совершенно невиноватых в ее нарушении людей, в данном примере – авиапассажиров. Сама по себе справедливость отнюдь не всегда ведет к благу.

А теперь вернемся к христианству. Христианство, повторю, утверждает, что Бог вовсе не есть справедливость. Если бы Он был справедливостью, то поймите, пожалуйста, что было бы с каждым из нас. Что такое справедливый Бог? Это Бог, способный терпеть и миловать только тех людей, которые неуклонно соблюдают все данные Им законы и заповеди. Для христиан они прописаны, в первую очередь, в Евангелии. Христианин, согласно Евангелию, должен не завидовать, не лгать, не притворяться, никому не желать зла, не осуждать. А если он этого не делает, должно обязательно последовать справедливое наказание. Мы же знаем, что такое закон справедливости по нашим человеческим меркам. Например, законы в справедливом государстве: исполняешь их – все нормально, живи спокойно, не исполнил – с неизбежностью следуют штрафы, или тюрьма, а то и смертная казнь.

И вот теперь представьте себе, если бы Бог, который все видит, все слышит, все знает – не только все наши дела, но и мысли, чувства и желания, – и вот Он видит, как я лицемерю и лгу, как я кого-то ненавижу, хотя и скрываю свою ненависть, как я притворяюсь. Уж не говорю о более грубых поправках установленного Богом закона – обмане, клевете, коварстве... Что должно быть с нарушителем божественного закона по справедливости, а ведь все мы нарушаем этот закон? По справедливости, мы, кажется, не смогли бы просуществовать и одного дня! Потому что мы непрерывно, если не делами, то словами, если не словами, то мыслями, нарушаем закон Жизни, который достаточно четко зафиксирован в Священном Писании.

Христианство и учит, что Бог несправедлив. Как это понимать? Приведу для начала мысль не кого-нибудь из святых отцов Церкви, а немецкого философа Канта. В его, если не изменяет память, «Критике чистого разума», есть следующее рассуждение: «Строжайшее право – это величайшая несправедливость... но на пути права этому злу ничем помочь нельзя, потому что справедливость относится только к суду совести...».

Этими словами Кант ставит перед сознанием человека очень серьезный вопрос. Справедливость и совесть – вещи не просто разные, но нередко противоречащие друг другу. Как я могу относиться к человеку по справедливости, когда вижу, что он поступает плохо? А как мне отнестись к нему по совести? Обличить, сказать: «Ах ты, негодяй!», призвать к спра-

ведливому возмездию? Нет. Я же знаю, что и сам также немало погрешаю. Поэтому должен отнестись к нему с великодушием. Я же знаю – и я слушаю, и я сокрушусь, и я сличу! Если мы начнем каждому человеку предъявлять претензии, исходя из абсолютной справедливости, во что же превратится наша жизнь тогда? Хаос, ужас, страх! Ведь все тогда немедленно должно быть подвергнуто справедливому наказанию (и, возможно, в первую очередь я сам), и в большинстве случаев жесточайшему.

Но во всех значимых религиях мира, которые существовали до Христа и существуют после Него, Бог (если Его существование в той или иной конкретной религии признается) – это, прежде всего, абсолютная справедливость. Христианство же учит совсем иному: Бог никогда и никого не наказывает и всегда готов простить нарушителя совести за один его только вздох раскаяния. В этом смысле христианство стало революционной религией, ибо говорит: это же ужасно, если бы Бог был справедлив. Потому что тогда все мы должны быть подвергаемы непрерывно таким бичеваниям, таким наказаниям, от которых, действительно, да избавит нас Бог! Но Бог, учит христианство, не справедлив, не судья, который наказывает преступника строго в соответствии с законом, но – Любовь! «Почему самые отъявленные преступники живут припеваючи, а Бог их терпит и не карает?» – типичная фраза в устах очень многих людей.

Один из христианских учителей, знаменитый мыслитель, писатель, аскет Исаак Сирин, живший в 7-м столетии, писал: *Милосердие (то есть любовь) и правосудие в одной душе, то же, что человек, который в одном доме поклоняется Богу и идолам. Как сено и огонь не терпят быть в одном доме, так правосудие и любовь в одной душе.* И – восклицает – где же правда Божия? Мы – грешники. А Христос за нас умер. Это несправедливость? Один совершает грех, а другой за него умирает. Где же правда, где справедливость?

Да, христианство оказалось прямо-таки антирелигиозной религией. В первую очередь потому, что в отличие от других религий учит, что Бог – не судья, который определяет человеку меру награды или наказания за его добродетели или грехи. Нет и нет, тысячу раз нет.

Приведу вопиющий, с точки зрения справедливости, факт, с которым мы встречаемся, открывая Евангелие, и который подчас вызывает изумление у тех, кто занимался, хотя бы немного, историей религий, их изучением. Но сначала такой пример. Представим себе, что вот сейчас в этом зале сидят представители всех религий мира. И задается вопрос: «Скажите, пожалуйста. С точки зрения вашей религии, что нужно для человека, чтобы достичь рая?» (или Царства Божия, или спасения, или состояния вечного блаженства – как бы ни назвать). Все ответят примерно одно и то же: «Естественно, чтобы человек достиг рая, он должен исполнить все заповеди, предписываемые религией». Разве это непонятно? Казалось бы, и младенцу должно быть ясно.

И вот теперь факт, дающий возможность понять, с какой религией соприкасаемся, когда говорим о христианстве. Тот, кто читал в Евангелии о последних мгновениях жизни Иисуса Христа, знает, что распят Он был между двумя преступниками, разбойниками. Один из них, распятый слева от Христа, говорил Ему: Если Ты – Сын Божий, то спаси Себя и нас. Называешь Себя Богом, а висишь на кресте. Другой же, распятый справа от Христа, испытывая такие же мучения и так же ожидая смерти, обратился сначала к первому: Что ты говоришь? Он-то невиновен. А мы с тобой справедливо получили за свои преступления. – А затем, обращаясь к Христу, произносит такую фразу: Мы достойное получаем за свои деяния, но Ты, Господи, помяни меня в Твоем Царстве. – Эти слова говорят о ясном осознании разбойником, что они как преступники и убийцы распяты справедливо, и потому в Царстве Божиим никогда не окажутся. И разбойник просит Праведника лишь помянуть его в этом Царстве. Ответ Христа поразительный: *сегодня же будешь со мною в раю.* Такого еще не было до Христа!

Для сознания человека, который когда-либо знакомился с мировыми религиями, – это, можно сказать, коперниканский переворот. Он увидит в ответе Христа все перевернутым с ног на голову, разрушение нравственных основ религии. Еще раз повторю, по учению любой

религии спастись может только исполнитель всех заповедей. А здесь в рай вводится человек, всю жизнь совершавший преступления – разбойник, бандит, говоря современным языком. И за что же, что он сделал? Всего только произнес эти слова: *Мы достойное по своим делам получили, а Ты меня помяни, Господи, в Твоем Царстве*, ибо... Дальше он не уточнил, но смысл слов ясен: Мы преступники и там никогда не окажемся. – Это же любому человеку должно быть известно. Этого требует закон справедливости. И вдруг Христос судит иначе.

Вот факт, который действительно способен потрясти любого человека, начавшего внимательно изучать христианство. Мы сталкиваемся с религией невиданной и неслыханной. Убийца и злодей первым вошел в Царство Божие. Это ниспровержение, казалось бы, всех религиозных ценностей. Но христианство объявляет: Бог есть Любовь, а не справедливый судья. Любовь, а не палач. Любовь, а не возмездие. Это совершенно беспрецедентная, с точки зрения нехристианского религиозного сознания, идея.

Тут важно уточнить, о какой любви идет речь. Не надо думать, что христианская любовь – это какая-то сентиментальность: погладить преступника по голове, утешить и сказать – продолжай убивать и насильничать, раз это тебе так нравится. Нет. Речь совсем не об этом. Речь о совершенно другой любви. Любви в высшей степени разумной.

Простой пример. У человека аппендицит. Есть два способа помочь ему избавиться от боли. Первый, любвеобильный в кавычках – давать ему болеутоляющее. Принял – и уже лучше, уже не больно. «Ой, спасибо, доктор!» Но прошел час-другой – опять больно. Еще болеутоляющего, потом еще. А в конце концов – со святыми упокой! Это, конечно, не любовь. Это – безрассудство, а не любовь. А настоящая любовь как проявит себя в таком случае? – На операционный стол, разрежали, удалили аппендикс. Пострадал во время и после операции – верно, страдал. Но в итоге – спасен! Вот о какой любви учит христианство, когда мы говорим, что Бог есть Любовь. Настоящая любовь состоит в том, чтобы дать человеку полное исцеление, а не минутное утешение.

И исцеление, прежде всего, духовное. Что оно означает? Это не просто исправление нашего внешнего поведения, но внутреннего состояния. Хорошо ли улыбаться кому-нибудь, а за глаза поносить его на чем свет стоит? Хорошо ли, когда тебя кто-то просит: «Только не говори никому, пожалуйста», – а ты выдашь его тайну, предашь его? Хорошо ли лгать, хорошо ли клеветать? Хорошо ли осуждать? Ведь, когда я осуждаю другого человека, то тем самым ставлю себя выше его: «Я бы такого не сделал, как он, негодяй. Видите, насколько я лучше? Я уверен, что намного лучше, и потому осуждаю его. Я бы такого не сделал никогда».

Но интересно, многое ли я могу сделать? Могу ли я не осуждать другого человека, как велит евангельская заповедь. Казалось бы, могу. Вот, дал себе слово, что никогда не буду никого осуждать. И тут же, словно по инерции, начал отзываться о ком-то скверно, начал судить о его мнимых или пусть даже действительных недостатках. Все, говорю себе, лукавить больше не буду, буду прямодушен. И тут же, при случае, взял и извернулся, как змея. И чего только, оказывается, во мне нет!

О каком же духовном исцелении идет речь, когда вспоминаем христианскую истину: Бог есть Любовь? К какому благу призывается человек в христианстве? Какое исцеление дает христианский Бог? – Очиститься от всего, что противоречит совести, нравственным законам жизни, от духовной нечистоты, которая внутри нас и которую мы так ловко умеем скрывать. Внешнее поведение человека может быть безупречным, он может соблюдать все правила и предписания религии и казаться со стороны чуть ли не святым, а внутри при этом быть исполненным всякой нечистоты: зависти, ненависти, тщеславия, гордости...

Но при каком условии очищается и изменяется человек? При твердом решении жить по совести и искреннем раскаянии перед Богом и обиженными людьми. Ибо Бог не может исцелить человека насильно без труда самого человека.

Итак, первое положение, которое, как мне кажется, необходимо обозначить для понимания, что такое православие, состоит в том, что Бог – это не награждающая и карающая справедливость, а Любовь. Но не какая-то сентиментальная любовь, а разумная, действующая только при усилении самого человека избавиться от всякой дряни.

Здесь стоит обратить внимание на то, что на церковном языке называется страстями. Нередко с восторгом говорят: «Ах, какая страстная любовь!» – Но что называется страстями в Православии? В переводе на современный русский язык древнеславянское слово «страсть» означает, прежде всего, страдание. Страдание! Например, завидую я кому-то – ну и как, сколько радости принесла мне эта зависть? Ненавижу я кого-нибудь – его моя ненависть может несколько не беспокоить, а я весь содрогаюсь от ярости. Алчный я, вечно мне всего мало – кто от этого страдает? – Сам я и страдаю, извожусь от своей ненасытной алчности. Страсть всегда, в конечном счете, приносит страдание человеку.

Страсти – это корни всех наших бед. Поэтому христианство и призывает бороться с ними и предлагает средства для исцеления от них. Помните, как у Пушкина: «Хвалу и клевету приемли равнодушно, и не оспаривай глупца». Сам Пушкин, может быть, и не вкладывал в эти слова христианский смысл, но мы можем интерпретировать их по-христиански. Немалое дело – научиться принимать и хвалу, не тщеславясь, не поднимая нос кверху, и клевету, не впадая в отчаяние и ярость, а принимать и то, и другое спокойно, бесстрастно. Но увы, как только я услышу, как несправедливо меня обвиняют, или клеветуют на меня, я весь содрогаюсь, готов кричать: «Где же справедливость?» А ревность? – Какие же мы все больные, не тронь нас ни с какой стороны. Как сильно мы подвержены страстям, из-за которых сами же и страдаем! Страсть – это действительно страдание!

Еще одна деталь. Если христианство говорит, что необходимо освободиться от этих страстей-страданий, что освобождение от них приносит человеку настоящее благо, настоящую радость, то светский мир восклицает – да здравствуют страсти! Смотрим телевизор: каких только страстей нам не показывают и тем самым распалаяют их в нас еще больше. Культ страстей! А если задуматься, что на самом деле представляет собой этот культ? – Примерно вот что. Лежит доска с гвоздями, торчащими острием вверх. «Ну, – призывает массовая культура, – ходи по гвоздям, это очень увлекательно!» Вот что такое страсти – ходить по гвоздям. Духовное самоистязание, а в конце концов – духовное самоубийство! К чему приводит алкоголизм, наркомания, всем известно. Разрушительность этих страстей всем очевидна. Но на духовном уровне разрушительны все страсти, все они повреждают, а если с ними не бороться – в итоге убивают душу.

Христианство предлагает средства освобождения от страстей – этих источников всех страданий. Но освобождается человек вовсе не карами Божиими: нарушил заповедь – вот тебе удар электрошокером, чтобы в результате выработался рефлекс вести себя праведно. Нет! Бог оставляет за человеком полную свободу. Это еще одно важнейшее положение Православия. Бог не может прикоснуться к моей духовной свободе. Не может, потому что создал нас свободными. Человек сам, добровольно избирает добро или зло.

Другое дело может ли он взять и так запросто выбрать добро и спокойно следовать ему. Увы, страсти настолько укоренились в каждом из нас, что это сделать не так просто. Поэтому выбор добра, если это не самообман – мол, хочу стать добродетельным, а жизнь свою при этом менять не хочет, – выбор этот предполагает волевое усилие изменить свою жизнь, которое невозможно без постоянного наблюдения за своими мыслями, желаниями словами и их совестной оценки. Нас разрывает множество самых противоречивых желаний, в том числе далеко не добрых. Тем не менее, в каждом человеке, сколько бы страстен он ни был, сохраняется нравственная свобода. И Бог ни на одну йоту не может прикоснуться к ней.

Здесь мы переходим к еще одному чрезвычайно важному пункту, характеризующему Православие. Звучит он не менее страшно, чем то, что я уже назвал. Бог, согласно православию

ному учению, не запрещает людям грешить, делать зло. Значит, позволяет? Нет, ни то, ни другое: не запрещает и не позволяет. А оставляет человека свободным в выборе добра или зла. Человеку изначально дана полная свобода, и эта свобода не отнимается у человека никогда, иначе он перестал бы быть человеком. Нравственный выбор – творить добро или зло – всегда остается в его руках, в его мыслях, в его желаниях, в его воле, в его свободе.

А что же Бог? Разве Он устранился от нас и свысока взирает, как мы мечемся между добром и злом? Нет! Бог своими заповедями и голосом нашей совести и нашего разума непрерывно напоминает о том, где добро и счастье, а где зло и страдания. Нужно только пристально всмотреться в обстоятельства всей своей жизни, внимательно прислушаться к голосу своей совести, чтобы понять это. Он постоянно говорит нам: «Не ходи по гвоздям – тебе будет плохо. Не лги – тебе будет плохо. Поднявший меч – от меча погибнет. Не воруй, не клевети, не осуждай, не презирай никого – тебе будет плохо. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».

Каждое наше деяние, злое или доброе, подобно бумерангу. Помните, это такое кривое оружие, которое кидают и которое возвращается обратно. Делаю я кому-то зло, или только внутренне желаю сделать его, даже не имея возможности осуществить желаемое, тем самым я непременно поражаю самого себя, свою душу – таков духовный закон. И страдаю от этого, соответственно, я сам. Делая кому-то добро, помогая кому-то, сочувствуя кому-то, тем самым я делаю добро, прежде всего, себе самому. Вы же знаете, как приятно, когда вдруг делаете что-то доброе человеку. Когда он радуется, невольно сам радуешься вместе с ним. И остаешься довольным и умиротворенным – вот действие этого закона. И это должно быть очевидно каждому, хотя бы на психологическом уровне. Действительно, каждое наше деяние есть бумеранг. Важно не забывать, что под деяниями понимаются не только наши внешние дела, но, повторю еще раз, и наши сокровенные мысли, наши чувства, наши желания, наши намерения, наша цель. Хочешь кому-то зла, берегись – пострадаешь сам!

Христианство учит, что для разумных существ – людей – Богом установлены вполне определенные духовные законы. Мы изучаем законы физики, биологии, физиологии, психики, а вот духовных законов не знаем, нередко и не слышали о них ничего. Но как нарушение законов видимого мира приводит к «наказанию», приносит их нарушителям страдание, так же мы подвергаемся «возмездию» и при нарушении законов духовных. И страдаем, сами подчас не понимая из-за чего. Не лги, иначе сам пострадаешь от своей лжи. Не делай другому того, чего не хочешь себе. – Так учит Евангелие. Народная мудрость гласит: «Не рой яму другому, сам упадешь в нее». А как этому учит нас история человечества, как учит собственная жизнь! Но мы, к сожалению, не верим этому.

Духовные законы являются не чем иным, как выражением свойств самого Бога, Его действиями в созданном Им мире. Не стоит думать, что Бог в каждом отдельном случае думает и решает, наказать человека или наградить, – так зачастую мыслит примитивное сознание. Нет. Но существуют духовные законы, исходящие из Самого Бога, и изменить их или как-то обойти никто не может, ведь невозможно изменить неизменного Бога. Поэтому понятно, насколько важно знать эти законы. Нарушая их, мы подвергаем себя болезням духовным и телесным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.